

Из всего, что он читал в своей предыдущей жизни, Дамблдор, победивший Гриндевальда, закрепил свое положение и пользовался уважением в магическом мире, по крайней мере, на Британских островах.

Но он плохо подходил для того влияния, которым обладал, и неумело им распоряжался.

Дамблдор стал голосом предполагаемого разума, однако никогда не использовал его так, как, возможно, должен был.

У него имелись большие недостатки характера, которые нанесли ущерб большей части магической Британии, но при этом он, вероятно, предотвратил худшие последствия для многих бесправных слоев населения.

Магический мир после поражения Гриндевальда был готов к еще одной великой войне, поскольку проблемы так и не были решены в достаточной степени.

После победы Дамблдору в течение десятилетий удалось добиться непреодолимого влияния в мире став директором Хогвартса, а потом и председателем Визенгамота и Верховного Магвампом.

Говорили, что он придерживался убеждений, что маглы равны волшебникам, и Аттикус в некотором роде согласился бы с этим будь они в идеальном мире, в котором не существовало предрассудков, и где маги и маглы были просто людьми, которые могут обладать или не обладать некоторыми дополнительными способностями.

Проблема заключалась в том, что человеческая психика так не работала, и, несмотря на весь прогресс человечества, племенные устои и мышление все еще имели глубокие корни в обществе.

Аттикус полностью намеревался использовать это, но с уклоном в магию. Вера в доброту в людях никогда не оправдывается, как он уже знал.

У людей есть предубеждения, и что более важно, они верят, что являются вершиной пищевой цепочки.

Как только станет известно, что существует общество или совокупность обществ, которые способны изменять реальность по своей прихоти, подчинять умы людей, начнутся массовые общественные беспорядки беспрецедентного масштаба.

Он знал, что ему придется приложить немало усилий, чтобы все увидели истинную опасность магглов и то, насколько опасно текущее невежество для выживания магического мира.

Ему достался второй шанс на жизнь. Будь он проклят, если позволит глупости обеих групп все

разрушить.

Ему понадобятся союзники и база поддержки. К счастью для него, у него было все, что нужно для этого.

В мире не было бы ничего, что могло бы помешать ему получить то, что он хочет.

*****

Всякий раз, когда он был один, что случалось редко, то использовал время, которое у него появлялось, чтобы улучшить контроль над собственным телом.

Аттикус обнаружил, что следящие чары, которые были наложены на него, не включали в себя оповещение о том проснулся он или нет, и использовал это маленькую поблажку для собственной пользы.

К тому времени, когда ему исполнилось пять месяцев, он мог ползать, а к десяти месяцам был в состоянии пройти небольшое расстояние.

Аттикус колебался, стоит ли ему показывать свой прогресс родителям, но в конце концов решил, что получение статуса гения с самого начала поможет оправдать множество других вещей, которые в противном случае могли бы посчитать ненормальными.

Помимо физической тренировки, он, конечно, не забыл о самой важной вещи в своей жизни.

Разница между нынешним телом и предыдущим была слишком заметна, он даже по другому себя чувствовал, гораздо лучше... как только приспособился к своему перерождению.

Словно ему чего-то не хватало всю свою прошлую жизнь, и он воспринимал только два измерения в трехмерном или четырехмерном мире.

Аттикус провел много времени, размышляя о магии и о том, что он знал о ней.

Должно быть, это унаследованная черта, поскольку рождение детей в магических семьях почти всегда приводило к появлению юных волшебников.

Это может означать, что сквибы вполне могут быть результатом слишком близкородственных браков или врожденного дефекта в родословных, что определенно стоило исследовать, поскольку, возможно, это позволило бы родиться более тесной интеграции сквибов и магглорожденных в волшебное общество, если он когда-нибудь захочет исправить тот беспорядок, который сейчас творился в мире.

Если магия являлась унаследованной чертой, то это означало, что с рождения волшебники должны иметь связь с магией, какой бы слабой она ни была вначале, наряду с врожденными магическими способностями.

Значит, даже в младенчестве он должен обладать магией. То чувство, к которому Аттикус начинал привыкать, должно быть, было магической энергией, и это означало, что он должен иметь к ней доступ.

Возможно, сейчас она вне его досягаемости, но достаточно скоро он сможет успешно использовать магию.

Он читал, что эпизоды спонтанной магии вспыхивали во время стрессовых, эмоциональных обстоятельств и большинство таких случаев происходило в возрасте начальной школы, но ждать так долго было неприемлемо для него. Теперь у него есть магия, и она стала его навязчивой идеей.

И поэтому каждую ночь Аттикус медитировал, посвящая себя постижению своей магии, и в течение нескольких месяцев подряд он уделял этому всего себя. Было трудно очистить свой разум от всех мыслей, но он медленно, но верно смог это сделать.

Ощущения становились все более и более выраженным, когда Аттикус направлял все свое внимание внутрь, ища искру, которая находилась внутри него, пока не почувствовал отчетливую пульсацию.

Он мог чувствовать эту энергию, которая была находилась внутри него, ту сверхъестественную силу, циркулирующую по его телу, как река.

Ему было ясно, что магия - это сила, энергия, обладающая врожденной способностью переписывать законы природы, способная изменять реальность по прихоти и воле человека.

Он знал, что у магии есть аспект намерения, который дети используют с эмоциями, но, несмотря на то, что ему удалось почувствовать магию, Аттикус не мог пробудить ее, как бы ни пытался.

Он рассеянно играл с анимированным драконом, размышляя о том, как получить доступ к своей магии, сидя в гостиной со своей сестрой, матерью и бабушкой.

Внезапно протянутая рука вырвала дракона у него, отвлекая от мыслей. Аттикус раздраженно посмотрел на обидчицу, Софию. Отсутствие прогресса в магии беспокоило, и это делало его капризным.

"- Аттикус", - пропела сестра с широко раскрытыми выжидающими глазами, крутя игрушкой перед ним, как будто мальчик был домашним животным.

"- Привет, Атти, хочешь эту игрушку? Подойди и возьми, если сможешь.» - она хихикнула и посмотрела на него выжидающими глазами с надеждой.

Мать вздохнула на поведение дочери: "- София, не обращай со своим братом как с домашним животным",.

"- И не собиралась, я просто играю с ним!" - голос девочки звучал очень неубедительно. "- Атти может это сделать, а если не сможет, то я сама отдам ему игрушку, обещаю", - прощепетала она, снова переключив свое внимание на брата.

Обычно ему было бы все равно, это было ниже его достоинства, но собственная некомпетентность в магических начинаниях начинала его раздражать.

Он посмотрел на Софию так грозно, как только мог, поднял свои пухлые маленькие ручки и сделал жест "дай это мне", бормоча ее имя.

Но девочка упрямецствовала, и в сочетании с плохим настроением, это привело к тому, что у него произошел взрыв эмоций.

Прежде чем Аттикус осознал это, его лицо окаменело, а гнев вскипел из-за всех разочарований, которые он испытывал за последнее время: из-за стресса, неспособности преуспеть в магии, общей праздности и монотонности его жизни, и он хотел забрать игрушку из ее рук, а не уступать требованию, как какая-то дрессированная обезьяна для развлечения, и его магия впервые откликнулась на его желания.

<http://tl.rulate.ru/book/69062/2342478>